

СМЫСЛОВАЯ НАГРУЗКА ОТРИЦАТЕЛЬНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ В ЛИРИЧЕСКОМ СТИХОТВОРЕНИИ

Синельникова Л. М.

ЗМІСТОВНЕ НАВАНТАЖЕННЯ ЗАПЕРЕЧНИХ ЗАЙМЕННИКІВ У ЛІРИЧНОМУ ВІРШІ.

У статті названо когнітивні ознаки заперечних займенників, які є свідомством щодо можливостей цієї групи слів представляти ліричне знання. Категоріальна семантика заперечних займенників – семантика неіснування – трансформується та (або) доповнюється характеристиками, які є свідомством переходу заперечення до екзистенціального узагальнення.

Ключові слова: займенникова поетика, інтенціональність, когнітивна семантика, заперечні займенники, семантика неіснування.

Синельникова Л. Н.

СМЫСЛОВАЯ НАГРУЗКА ОТРИЦАТЕЛЬНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ В ЛИРИЧЕСКОМ СТИХОТВОРЕНИИ

В статье названы когнитивные признаки отрицательных местоимений, свидетельствующие о возможностях этой группы слов представлять лирическое знание. Категориальная семантика отрицательных местоимений – семантика несуществования – трансформируется и (или) дополняется характеристиками, свидетельствующими о переходе отрицания в экзистенциальное обобщение.

Ключевые слова: местоименная поэтика, интенциональность, когнитивная семантика, отрицательные местоимения, семантика несуществования.

Sinelnikova L. N.

THE MEANING OF NEGATIVE PRONOUNS IN LYRICS

Cognitive characteristics of negative pronouns which indicate the capabilities of this group of words to represent lyric knowledge are defined in the article. Categorical semantics of negative pronouns – semantics of non-existence – is being transformed and (or) supplemented with new characteristics which attest to the transition from negation to existential generalization.

Key words: pronominal poetics, intentionality, cognitive semantics, negative pronouns, semantics of non-existence.

Местоименная поэтика сформировалась как целостное научное направление в русле лингвистической поэтики, задача которой – выявление и систематизация механизмов взаимодействия языковых и поэтических факторов, подтверждающих существование поэтической функции языка. В лирике язык функционирует в особой коммуникативной ситуации. Эта особенность обусловлена спецификой категорий пространства и времени, которые, в свою очередь, определяют способ проявления субъектов речи – лирического повествователя и адресата. Местоименные исходы универсальны, поэтические смыслы индивидуальны. Задача местоименной поэтики – установить специфику поразному функционирующих местоименных исходов [5]. В поэтическом тексте смыслы важнее значений, и понимание различий между значением местоимения в языке и его когнитивной семантикой в стихотворении способствует проникновению в мир смыслов.

Участие местоимений в организации поэтической коммуникации оценивается в типологическом и идиостилевом аспектах [2; 3; 4]. Ведущее место в формировании категорий определённости / неопределённости (в отношении лица, про-

странства, времени) в поэтическом языке занимают личные и указательные местоимения. Специфика отрицательных местоимений объясняется их интенциональной значимостью, совмещённым вниманием к микромиру и макромиру, ценностным отношением к событиям и людям. Цель статьи – на разнообразном текстовом материале конкретизировать эти признаки отрицательных местоимений.

Отрицательные местоимения, как и все исходные местоимения, принадлежат сфере познания. Общий смысл отрицательных местоимений – обозначение отсутствия, несуществования предмета, количества, признака, причины, цели и т.д. Непредставленность, несуществование – глобальные понятия, которые «сложились у людей в их представлении об основаниях материального и духовного мира» [7, с. 541].

Глобальность отрицательных местоимений *ничто* и *никто* особенно ощутима в так называемой философской лирике, в тех сегментах стихотворения, в которых внешняя событийная ситуация переходит в суждения о жизненных ценностях и смысле бытия:

Я чувствую разумность бытия.

*Я ощущаю, знаю, понимаю,
Всей трепетною плотью вопия
Против ничто. Его не принимаю.
Весь организм, как будто бы орган,
Звучит во славу жизни. Разве может
Не быть меня! Мне век безмерный дан.
Ничто меня уже не уничтожит.
Готов стоять. Готов из кожи лезть.
Всей кровью слышу. Верю без предела.
А коли так, то так оно и есть.
Не может быть иначе:
верит тело.*

(Е. Винокуров. “Я чувствую разумность бытия...”)

*И кто с невольною тревогой
Не слышал голоса того?
- Здесь много боли, много Бога,
А за чертою – никого...*

(Л. Владимирова. “Там, в небе черном, опаленном...”)

В поэзии отрицательные местоимения имеют налет «философичности» даже если они помещены в подчеркнuto бытовой контекст, так как эти местоимения являются носителями информации о состоянии лирического повествователя, выходящего за пределы ограниченного пространства каузативной ситуации, вызвавшей это состояние:

*Много добрых людей на Руси.
Мать накинёт платок...
Но с крыльца
возвращал ее голос отца:
– Никуда не ходи! Ничего не проси.
Снова март и грачиный галдеж.
На кладбищенских липах с утра –
суета, новоселье, дележ.
Выбрать место под солнцем пора.
Много добрых людей на Руси.
Только с лестницы бойкого дня
крик отца возвращает меня:
– Никуда не ходи! Ничего не проси.*

(И. Шкляревский. “Много добрых людей на Руси”)

О когнитивной значимости местоимения *никто* свидетельствует возможность превращения его в слово-символ путем многократного инверсированного повтора как авангардного приема, в котором *никто* выступает в роли «жесткого» возбудителя неких импульсов и проявляет латентные возможности обобщающего отрицания:

*любит русский писатель как русский (это известно)
любит русский писатель как никто (это возможно)
любит русский писатель: никто я! никто (это слышали)
никто не любит как русский писатель (это уже перебор)*

есть русский писатель и русский никто

*любит русский никто как русский
любит русский никто как русский писатель
любит русский никто как никто
никто не любит чтобы ему – писатель
любит никто чтобы ему – писатель! –
а русский писатель не любит не любит
писатель не любит как русский писатель
как русский не любит и как писатель
писатель любит чтобы ему – никто! –
чтобы никто: писатель! не любит! –
ни писатель ни русский – никто и никто.
(Генрих Сапгир. “Летучая фраза”)*

Проявляя поэтику метареализма, *никто* в этом стихотворении демонстрирует открытость для новых сцеплений. Текст конструируется как техническое изделие с запрограммированным на конверсивные переходы программным управлением (значения слов «русский», «писатель» подгоняется под *никто* как рабочие детали). Энергетические импульсы «летучая фраза» получает от отрицательного местоимения.

Отрицательные местоимения в поэзии могут быть носителями семантики абсолютного отказа от неких жизненных событий и обстоятельств. Но манифестируемый отрицательными местоимениями отказ оказывается способом выражения метафизического состояния лирического героя, находящегося в поисках новых смыслов:

*Когда несказанное дышит,
Когда достигнутое жжет,
Когда тебя никто не слышит
И ничего уже не ждет, –
Не возвещая час прихода,
Надеждой лишней не маня,
Впервые ясная свобода
Раздвинет вдруг пределы дня.*

(А. Прасолов. “Когда несказанное дышит...”)

Формула «ничего кроме» в лирике поддерживает семантику отрицательных местоимений как проводников перехода сознания лирического героя к другому измерению, знания о котором отсутствуют и приравниваются к отрицанию уже известного, – происходит ограничение неограниченного:

*– В этих крепких и громких стихах
Неприятная нотка застыла.
– Но какой в них широкий размах
И какая в них твердая сила.
– Ни огня, ни лица своего.
Ни большого, крутого размаха.
Ничего. Ничего. Ничего!
... Кроме смутного, тайного страха!*

(В. Казанцев. “В этих крепких и громких стихах...”)

*Ничего не надобно умершим,
ни дома, ни платья, ни слуха.
Ничего им от нас не надо.*

Ничего, кроме всего на свете.

(О. Седакова. “Были бы мастера на свете...”)

«Проводниковая» (переключающая сознание к другому ценностному измерению) семантика отрицательного местоимения проявляет специфику лирического знания, что не исключает обращения к языковой нормативной семантике. Но и при этом сохраняется естественная для поэтической коммуникации экспрессивность:

Дай Родине моей

удачи и покоя!

И больше ничего?

И больше ничего!

(В. Костров. “Молитва простору”)

Установка на абсолютное отрицание ошущения в аттрактивных парах «всё – ничего», «ничто – никогда», «никто – никогда», которые в поэзии наделяются философско-обобщающим статусом:

Тогда он и вспомнит, кто друг и виновник,
и гость и хозяин и горе его,

кто плакал, внутри обрывая шиповник,
и требовал всё, и не взял ничего.

– Прощай и запомни, прощай и сознайся:

ничто никогда не достойно себя. –

И в облике боли, во тьме постоянства
я вновь улыбнусь и кивну уходя.

– Но ты повторяй: это то же и то же,
что было и будет, и полно по край.

А я уже там, где никто не поможет.

Но ты повторяй,

повторяй,

повторяй...

(О. Седакова. “Старый поэт”)

Никто никогда не узнает,

зачем за пустынной рекой

свободное небо рыдает

и сводит с ума синевой.

(И. Шкляревский. “Журавль, хромающий в небе...”)

Характерное для поэтического мышления глобальное отрицание поддерживается рематическим акцентированием отрицательного местоимения:

Священных слов в моих тетрадах нет:

Я их таю в душе от света

Не потому, что есть запрет,

А потому что в мире нет –

Ни для кого! – на них запрета!

(В. Казанцев. “Священных слов в моих тетрадах нет...”)

Лирическое отрицание можно отнести к числу философем, организующих обобщающую мысль о сути бытия, о результатах прожитой жизни:

Подробности.

Но где же, право, суть?

Идем и смотрим. Вот и кончен путь.

А вот подробность. Мелкая, как клоп.

К чему она? Тут нужен микроскоп!

А вспомним вдруг все прожитые дни.

И ничего:

подробности одни.

(Е. Винокуров. “Подробности”)

Участие отрицательных местоимений в лирическом обобщении, строящемся на алогизме, свидетельствует об их возможности отрицать обобщая: «Только одному любовь и учит, / Что она не учит **ничему**» (В. Соколов). «А вот не видно **ничего**. / Но это лучшее, что видно» (О. Седакова). «Нет, не могут стихи заменить / Настоящей любви **никому**» (В. Соколов). Совмещение семантики отрицания и обобщения (обобщающей отрицательности) очевидно в афористических сентенциях поэтов: «Не страшно – что ответа нет, / а страшно – вдруг **никто** не спросит» (О. Хлебников). «Семь небес **никого** не спасут / От былой и грядущей печали» (Ю. Кузнецов).

Отрицательное местоимение крайне редко выводится в заглавие стихотворения. Находясь в сильной позиции стихотворного текста, отрицательное местоимение, как и любое заглавие, «одновременно функционирует и как имя, и как предикат текста, как его тема и рема, оно является текстопорождающим и порождённым текстом элементом, его субтекстом и метатекстом, а также «текстом в тексте» [6, с. 395]:

Ни кометою кривою

У бессонницы в окне,

Ни подрубленной сосною,

Закричавшего во сне,

Ни грозой в жестах молний,

Чем изломана душа,

Ни отточенным до боли

Острием карандаша,

Ни уходом прочь, ни словом,

Ни слезой во тьме лица

То, что было, из былого

Не вычеркивается.

(Р. Винонен. “Ничем”)

Отрицательные местоимения-рефлективы квалифицируются исследователями в качестве признака русской ментальности [1]. Этот признак проявлен и в поэтических текстах:

Суровой повседневности обряд, –

Вопрос: «Как жизнь?» И тут по ритуалу:

«Даничго»–«Ну будь...»–«Вот так-то, брат...»

Но человек начнет мало-помалу

Рассказывать:

«Такие, брат, дела... –

*Сначала так, с неловкостью, несмело. –
Жена на той неделе умерла.
Дочь что-то, между прочим, заболела.
Зашел бы. Как-никак... »
Я на него гляжу. Он козырек надвинул. «Э,
он плачет... »
... Спроси: «Как жизнь?» – ответит: «Ничего... »
Но это ничего еще не значит».
(Е. Винокуров. “Пустой обряд”)*

*Но печали неуместны!
И тоска не для него!..
Был бы голос! Ну а песни
Запоются! Ничего!
(Д. Самойлов. “Шуберт Франц”)*

*Я был простым солдатом
И вынес – ничего! –
В столетии двадцатом
Все тяготы его.
(Н. Старшинов. “Ушли к себе соседки...”)*

*Вы забывали, как живете,
Вы говорили: «Ничего».
И за обычными словами
Была такая доброта,
Как будто бог стоял за вами
И вам подсказывал тогда.
(А. Кушнер. “Когда я очень затоскую...”)*

Итак, отрицательные местоимения в поэзии обладают высокой степенью когнитивной значимости. Они передают состояние лирического героя (нарратора, повествователя), возникшее в результате осмысления некоторого положения дел,

понимания асинхронности локального и беспредельного, временного и вечного. Придавая отрицанию значение обобщенности, лирический герой проявляет особое восприятие событий жизни, считая их только фоном для экзистенциального понимания сути отрицания. Такова «тайна» лирического отрицания, организаторами и хранителями которой могут быть отрицательные местоимения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Балакай А. Г. Что мы говорим, когда говорим «ничего...» / А. Г. Балакай // Русская речь. – 2000. – № 4. – С. 53–59.
2. Ковтунова И. И. Поэтический синтаксис / И. И. Ковтунова. – М. : Наука, 1986. – 206 с.
3. Очерки языка русской поэзии XX века: Грамматические категории. Синтаксис текста. – М. : Наука, 1993. – 238 с.
4. Очерки языка русской поэзии XX века: Опыты описания идиостилей. – М. : Наследие, 1995. – 558 с.
5. Синельникова Л. Н. Этюды из области местоименной поэтики // Местоимение в дискурсе: Монография / Л. Н. Синельникова. – Луганск: ГУ «ЛНУ имени Тараса Шевченко», 2009. – С. 207–374.
6. Фатеева Н. А. Заглавие и текст в русской поэзии конца XX века: параллельная динамика // Текст. Интертекст. Культура: Сб. докладов междунауч. конф. (Москва, 4-7 апреля 2001 года) / Н. А. Фатеева. – М. : Азбуковник, 2001. – С. 395–411.
7. Шведова Н. Ю. Русский язык: Избранные работы / Н. Ю. Шведова. – М. : Языки славянской культуры, 2005. – 640 с.

УДК 81-116.2

О.П. Просяник

ПРОБЛЕМА ЕДИНСТВА ЯЗЫКОВОЙ ЛЕКСИЧЕСКОЙ ЕДИНИЦЫ (В СВЕТЕ ТЕОРИИ ЗНАКА «НОВОГО» Ф. ДЕ СОСЮРА)

Просяник О.П.

ПРОБЛЕМА ЄДНОСТІ МОВНОЇ ЛЕКСИЧНОЇ ОДИНИЦІ (У СВІТЛІ ТЕОРІЇ ЗНАКА «НОВОГО» Ф. ДЕ СОСЮРА).

У статті розглянуто проблеми визначення форми, сутності лексичного знака, його однорідності. Репрезентована проблема єдності лексичної одиниці як семіотичної цінності

Ключові слова: знак, форма, значення, значимість, лексична одиниця

Просяник О.П.

ПРОБЛЕМА ЕДИНСТВА ЯЗЫКОВОЙ ЛЕКСИЧЕСКОЙ ЕДИНИЦЫ (В СВЕТЕ ТЕОРИИ ЗНАКА «НОВОГО» Ф. ДЕ СОСЮРА)

В статье рассматриваются проблемы определения формы, сущности лексического знака, его однородности. Представлена проблема единства лексической единицы как семиотической ценности